

на право приобретения охотничьего огнестрельного оружия, в том числе с нарезным стволом, дополнить таким правовым институтом, как допуск к оружию, правовая основа которого сформулирована в постановле-

нии Правительства Российской Федерации от 14 августа 1992 г. № 587 (в ред. от 10 июля 2020 г.) «Вопросы частной детективной (сыскной) и частной охранной деятельности».

ЛИТЕРАТУРА

1. Источник сообщил о гибели девяти человек при стрельбе в казанской школе. Интерфакс: официальный сайт // [www. Interfax.ru/Russia/765356](http://www.interfax.ru/Russia/765356) (дата обращения: 10.02.2022).
2. Стрелявший в казанской школе получил разрешение на оружие 28 апреля. Интерфакс: официальный сайт // [www. Interfax.ru/Russia/765379](http://www.interfax.ru/Russia/765379) (дата обращения: 10.02.2022).
3. Как доступность оружия влияет на уровень насилия? Комментарий Георгия Бовта // [www. bfm. ru/news/471741](http://www.bfm.ru/news/471741) (дата обращения: 10.02.2022).
4. Об оружии: федеральный закон от 13 декабря 1996 г. № 150-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».
5. Лесников Г. Ю. Уголовная политика Российской Федерации (проблемы теории и практики): монография. М.: ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2004. С. 28.
6. Вопросы частной детективной (сыскной) и частной охранной деятельности: постановление Правительства Российской Федерации от 14 августа 1992 г. № 587 // СПС «КонсультантПлюс».

© Долгополов А. А.
© Ильяшенко А. Н.
© Белоконь А. В.

УДК 343.721(470)

М. М. САВЧЕНКО, доцент кафедры экономической безопасности Калининградского государственного технического университета, кандидат экономических наук (г. Калининград)

M. M. SAVCHENKO, associate professor of the department of economic security of the Kaliningrad State Technical University, candidate of economic sciences (Kaliningrad)

ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ ОБМАННЫХ ДЕЙСТВИЙ, ПОСЯГАЮЩИХ НА СОБСТВЕННОСТЬ КРЕДИТНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ, И ОТНОШЕНИЯ, ВОЗНИКАЮЩИЕ ПРИ ОТСУТСТВИИ ВОЗМОЖНОСТИ ДОЛЖНИКА УДОВЛЕТВОРИТЬ В ПОЛНОМ ОБЪЕМЕ ТРЕБОВАНИЯ КРЕДИТОРОВ

PROBLEMS OF QUALIFICATION OF FRAUDULENT ACTIONS ENCROACHING ON THE PROPERTY OF CREDIT INSTITUTIONS AND RELATIONS ARISING IN THE ABSENCE OF THE DEBTOR'S ABILITY TO SATISFY IN FULL THE CLAIMS OF CREDITORS

Аннотация. В статье аргументирован вывод о том, что в уголовно-правовых нормах, предусмотренных ст. ст. 195–197 УК РФ, отсутствует конкретизация круга субъектов данных преступлений, что обуславливает сложности для правоприменителя. В этой связи сформулирован вывод о том, что,

учитывая бланкетность данных составов, целесообразно закрепить содержание данного субъективного признака в отраслевом законодательстве. Автором предложено расширить перечень правонарушений (бездействий), связанных с банкротством, в диспозиции статьи 195 УК РФ, так как неправомерные деяния, связанные с банкротством, приобретают новые формы и содержание.

Автором выявлены противоречия между диспозициями норм о кредитном мошенничестве в сфере банкротства (ст. 195–197 УК РФ), посягающих на собственность кредитных организаций и отношения, возникающие при неспособности должника удовлетворить в полном объеме требования кредиторов, что приводит к искаженному и (или) недостоверному их толкованию и применению. В результате исследования сформулирован вывод о необходимости исключения статей 196 и 197 из УК РФ, поскольку их содержание охватывается статьей 195 УК РФ, исходя из грамматического толкования наименования и диспозиции указанной статьи, предусматривающей ответственность за любые неправомерные действия, связанные с банкротством.

Ключевые слова и словосочетания: экономика, преступления в сфере экономической деятельности, состав преступления, банкротство, кредитор, должник, обман, неправомерные действия при банкротстве, преднамеренное банкротство, фиктивное банкротство.

Annotation. The article argues the conclusion that the criminal law norms stipulated by Art. 195–197 of the Criminal Code of the RF, there is no specification of a circle of subjects of the given crimes that causes difficulties for the law-enforcer. In this regard, the conclusion is formulated that, given the blanket nature of these compositions, it is advisable to fix the content of this subjective feature in the sectorial legislation. The author proposed to expand the list of wrongful acts (omissions) related to bankruptcy in the disposition of article 195 of the Criminal Code of the RF, as wrongful acts related to bankruptcy acquire new forms and content.

The author has identified contradictions between the dispositions of the norms on credit fraud in bankruptcy (articles 195–197 of the Criminal Code of the RF), encroaching on the property of credit institutions and relations arising from the failure of the debtor to fully satisfy creditors' claims, which leads to distorted and (or) unreliable interpretation and application of them. As a result of the study a conclusion was formulated on the need to exclude articles 196 and 197 of the Criminal Code of the RF, since their content is covered by article 195 of the Criminal Code of the RF based on the grammatical interpretation of the name and disposition of the article, which provides responsibility for any unlawful actions related to bankruptcy.

Key words and phrases: economy, crimes in the sphere of economic activity, corpus delicti, bankruptcy, creditor, debtor, fraud, bankruptcy misconduct, deliberate bankruptcy, fictitious bankruptcy.

Проблемы взаимоотношений должников и кредиторов существовали в обществе еще с древних времен. Данные проблемы характеризуются появлением и развитием такого общественного института, как банкротство.

Различая условия наступления банкротства, принято выделять два критерия его наступления: юридический и финансовый. К юридическому критерию относится признание судебными инстанциями экономической несостоятельности организации (субъекта хозяйствования). С позиции финансов банкротство определяется фактическим состоянием имущества хозяйствующего субъекта.

По своей сущности процедура банкротства вполне законное явление, если действия участников процедуры банкротства не стали уголовно-наказуемыми, иными сло-

вами, криминальными. Под криминальным банкротством следует понимать недобросовестное завладение чужой собственностью.

Так, Уголовный кодекс Российской Федерации (далее – УК РФ) предусматривает три основных уголовно-правовых запрета противоправных деяний, совершаемых при проведении процедуры банкротства, и уголовную ответственность за их совершение:

- статья 195 УК РФ – неправомерные действия при банкротстве;
- статья 196 УК РФ – преднамеренное банкротство;
- статья 197 УК РФ – фиктивное банкротство.

Указанные составы преступлений обусловлены следующими элементами уголовно-правовой характеристики, которые свойственны практически каждому из них:

1. Объектом преступлений указанной категории являются: общественные отношения, возникающие в сфере экономической деятельности и направленные на защиту, охрану, а также стабилизацию законных интересов всех участников данных отношений. Предметами данных преступлений выступают: различное имущество, независимо от форм его собственности, в том числе, право на имущество; разнообразные официальные документы (учетные, бухгалтерские и т. д.), отображающие экономическую сторону деятельности организации (предприятия).

2. Объективной стороной преступлений указанной категории следует считать: деяния, выражающиеся в сокрытии или же в утаивании того или иного имущества, информации, носителей; в передаче во владение другим лицам имущества; в уничтожении и фальсификации документированной информации и т. д.

3. Субъектами вышеуказанных преступлений являются: вменяемые лица, достигшие 16-летнего возраста. Таковыми могут являться: руководители либо учредители организаций (предприятий), индивидуальные предприниматели, а также работники тех или иных организаций (предприятий). Однако перечень обозначенных лиц является оценочным и на законодательном уровне не закреплён.

4. Субъективной стороне анализируемых преступлений присущ прямой умысел. В данном случае противоправные действия (бездействия) совершаются преднамеренно, осознанно и целенаправленно.

Исходя из содержания диспозиции статьи 195 УК РФ под неправомерными действиями при банкротстве следует понимать такие деяния, сопряженные с причинением крупного ущерба, которые были направлены на сокрытие имущества, а также утаивание, подделку либо уничтожение финансовых документов должника, только в случае, если перечисленные действия совершены при наличии признаков банкротства.

В соответствии со статьей 196 УК РФ преднамеренное банкротство образуют деяния, повлекшие за собой причинение круп-

ного ущерба, умышленно направленные на искусственное создание таких условий, при которых должник не может в полной мере удовлетворить требованиям кредиторов по денежным обязательствам и (или) выполнить обязанности по уплате установленных обязательных платежей.

Согласно статьи 197 УК РФ, под фиктивным банкротством законодателем понимаются деяния, сопряженные с причинением крупного ущерба, которые направлены на заведомо ложное публичное объявление руководителем или учредителем организации (предприятия) об экономической несостоятельности данного юридического лица, а равно гражданином, в том числе индивидуальным предпринимателем, о своей несостоятельности.

В диспозициях статей 196 и 197 УК РФ законодателем используется признак «заведомость» действий, влекущих негативные преступные последствия, поскольку добросовестность участия хозяйствующего субъекта в реализации хозяйственных отношений позволила бы избежать банкротства. В пользу этого умозаключения свидетельствует анализ уголовных дел о преднамеренном банкротстве, расследование которых свидетельствует об использовании в качестве доказательной информации заключений судебно-экономической, судебно-бухгалтерской экспертизы о результатах деятельности должника в финансово-хозяйственной сфере [1, с. 124].

Анализ научной литературы позволил сформулировать вывод о том, что наличие признака заведомости свидетельствует о том, что виновный причиняет крупный ущерб, действуя с прямым умыслом с целью создания или увеличения неплатежеспособности должника ввиду его банкротства и сокрытия имеющихся активов [2, с. 48; 3, с. 20–21; 4, с. 74].

В Постановлении Правительства Российской Федерации от 27 декабря 2004 г. № 855 «Об утверждении Временных правил проверки арбитражным управляющим наличия признаков фиктивного и преднамеренного банкротства» раскрыт порядок

определения характерных преднамеренному банкротству признаков. Так, преступными неправомерными действиями при банкротстве признаются те действия, которые совершаются при наличии признаков и состояния банкротства и осуществляются с целью дезориентирования кредиторов и искажения порядка осуществления процедуры банкротства. В случае же преднамеренного банкротства преступными действиями следует считать целенаправленные действия, совершенные и окончившиеся до начала процедуры банкротства, а равно действия, осуществляемые с целью неисполнения тех и иных имущественных обязательств при наличии реальной финансовой возможности их исполнения.

В ходе анализа действующего законодательства усматриваются проблемы при определении субъектного состава вышеуказанных преступлений, и этот вопрос в настоящее время остается недостаточно изученным. Так, согласно Федеральному закону от 29 декабря 2014 г. № 476-ФЗ, в субъектный состав всех преступных деяний, предусмотренных ст. ст. 195, 196 и 197, с 1 июля 2015 г. в качестве исполнителя включены физические лица (граждане).

В соответствии со ст. 168 Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ (в редакции Федерального закона от 2 июля 2021 г. № 353-ФЗ) «О несостоятельности (банкротстве)» субъектами указанных преступлений могут быть должностные лица следующих организаций: стратегических предприятий и организаций, градообразующих, финансовых и сельскохозяйственных организаций; субъектов естественных монополий.

В приведенном выше нормативно-правовом акте используется такое понятие, как «руководитель должника». Данное понятие, исходя из количественного критерия, можно условно разделить на две группы:

– единоличные исполнительные органы юридического лица, к которым относятся: директор, генеральный директор, президент и т. д., осуществляющие в соответствии с действующим законодательством деятель-

ность от имени юридического лица без доверенности;

– коллегиальные исполнительные органы юридического лица, к которым относятся: советы, правления и т. д. В данном случае подлежит уголовной ответственности не только соответствующий руководитель коллегиального органа, но и члены правления, совета директоров, при условии доказанности отнесения их к лицам, осуществляющим контроль должника [5, с. 35–36; 2, с. 48; 6, с. 39; 7, с. 59–60; 8, с. 49].

В Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21 декабря 2017 г. № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве» дано разъяснение о том, кого следует относить к лицам, осуществляющим контроль в отношении должника. К таковым, исходя из пункта 3 данного Постановления, следует относить лиц, имеющих фактическую возможность обязывать должника исполнять определенные указания, либо в иной форме определять его действия. Также данное определение содержится в соответствующем отраслевом законодательстве (п. 3 ст. 53.1 ГК РФ, п. 1 ст. 1.10 Закона о банкротстве).

По мнению И. Михайленко, «...к уголовной ответственности за преднамеренное и фиктивное банкротство могут быть также привлечены руководители временной администрации кредитной организации» [9, с. 39].

При этом необходимо иметь в виду, что руководители временной администрации кредитной организации могут осуществлять деятельность от имени кредитной организации без доверенности в случае приостановления полномочий исполнительных органов кредитной организации.

Учитывая вышеизложенное можно сделать вывод о том, что в законодательстве отсутствует единая нормативная регламентация субъекта преступлений, связанных с банкротством. Однако анализ сложившейся юридической практики, а также понятийного аспекта нормативно-правовой базы, позволяет сделать вывод о том, что субъек-

том уголовного преследования по уголовным делам данной категории может выступать только физическое лицо, являющееся участником правоотношений банкротства. Действия указанного субъекта должны быть неоспоримо противоправными ввиду того, что уголовная ответственность не может наступать за правомерные действия. Ввиду чего, признаки противоправности и виновности такового субъекта также должны быть регламентированы уголовным законом (Общей и Особенной частями УК РФ), ибо фактически не может быть уголовной ответственности за деяние, которое не предусмотрено в уголовном законодательстве в качестве преступления (статья 3 УК РФ).

В связи с этим возникает проблема доказывания противоправности указанных деяний, и эта проблема требует детального рассмотрения. Так, на законодательном уровне не регламентирована позиция о необходимости решения арбитражного суда по делу о банкротстве. Указанное решение нужно для подтверждения «неспособности должника удовлетворить требования кредиторов по денежным обязательствам, и (или) исполнить обязанность по уплате обязательных платежей», а также для подтверждения «признаков банкротства». Это позволит решить проблему определения начала уголовного преследования в отношении лица, в действиях которого усматривается криминальное банкротство.

Так, анализируя сложившуюся судебную практику, можно сделать вывод о том, что признаки преступлений, связанных с банкротством, необходимо определять только после вступления в законную силу решений, принятых в рамках процедуры арбитражного судопроизводства. При этом такие решения должны быть предусмотрены нормами Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» и ни в коей мере не противоречить им.

Схожий подход нашёл свое подтверждение и в практической деятельности следственных органов. Так, сложившаяся юридическая практика показывает, что уго-

ловные дела о преступлениях, связанных с банкротством, как правило, возбуждаются только тогда, когда арбитражным судом уже была введена одна из процедур банкротства. Вместе с этим, правоохранительными органами должна быть получена первичная информация о признаках криминального банкротства должника, которая предоставляется либо новым руководством организации, либо арбитражным управляющим.

В результате анализа вышеизложенного следует сделать вывод о том, что уголовно-правовые запреты, установленные в статьях 195, 196 и 197 УК РФ, имеют бланкетный характер. Это обусловлено тем, что указанные статьи УК РФ отсылают правоприменителя к иным отраслям российского законодательства, регламентирующим содержание и особенности процедуры банкротства. В этой связи при производстве по уголовным делам о банкротстве определяющее значение имеет высокий уровень юридической подготовленности в сфере специального законодательства. От этого факта во многом зависит ход расследования уголовных дел указанной категории, а также объем предъявленного обвинения лицу, совершившему вышеуказанные противоправные деяния. А в некоторых случаях может иметь место и недоказуемость деяния, заключающаяся в отсутствии тех или иных признаков состава преступления. В этой связи следует помнить о том, что уголовно-наказуемыми деяниями вышеуказанной категории являются только те действия (бездействия), которые совершаются вопреки или с нарушением, а также несоблюдением процедуры банкротства. Вместе с тем, не следует забывать, что статьи 195, 196 и 197 УК РФ по конструкции объективной стороны характеризуются как нормы, содержащие в себе материальный состав. Как видно, для привлечения лица к уголовной ответственности по вышеуказанным статьям необходимо наступление общественно опасного последствия в виде причинения крупного ущерба. Это является неотъемлемым признаком вышеуказанных преступлений. Отсутствие такового влечет за собой принятие следственными

органами решения об отказе в возбуждении уголовного преследования ввиду отсутствия состава того или иного преступления.

Наиболее распространенными в практической деятельности неправомерными действиями при банкротстве следует считать: подтасовку голосов кредиторов; последовательное формирование повышенной несостоятельности организации; создание мнимого долга организации с последующей его перепродажей аффилированным юридическим (физическим) лицам; трату материальных средств должника; фиктивное оформление займов; производство сомнительных сделок; превышение пределов оплаты труда арбитражным управляющим с целью осуществления «откатов»; проведение торгов фиктивного характера без реальной конкуренции, необоснованно заниженной стоимости, а также заранее определенным лицам и т. д.

Следует указать, что подобные деяния приобретают новые, все более изощренные формы и проявления. Это создает сложность в нормативном регулировании общественных отношений, на которые посягают виновные, и невозможность их уголовного преследования. Следовательно, приобретает все большую актуальность вопрос о расширении перечня неправомерных действий (бездействий), связанных с банкротством, в нормах уголовного законодательства, которые следует изложить в диспозиции статьи 195 УК РФ.

Вместе с тем, необходимо обратить внимание, что в законодательстве Российской Федерации присутствует противоречивость диспозиций норм об обманных деяниях в сфере банкротства, посягающих на собственность кредитных организаций и отношения, возникающие при неспособности должника удовлетворить в полном объеме требования кредиторов (ст. ст. 195–197 УК РФ). Это обстоятельство приводит к искаженному и (или) недостоверному толкованию указанных норм, а следовательно, и к их неверному правоприменению. Складывающаяся проблематика указывает на необходимость правоприменителем данных

норм, поэтому с учетом сложившейся ситуации возникает вопрос о целесообразности исключения из российского уголовного законодательства норм о ряде обманных преступлений в сфере банкротства (статей 196 и 197 УК РФ). Это обусловлено тем, что указанные деяния могут охватываться преступлениями, предусмотренными статьей 195 УК РФ, исходя из грамматического толкования наименования и диспозиции указанной статьи, запрещающей любые неправомерные действия, связанные с банкротством.

Подводя итог вышеизложенному, можно сформулировать следующие выводы.

1. Принимая во внимание тот факт, что в уголовно-правовых нормах, предусмотренных ст. ст. 195–197 УК РФ, отсутствует конкретизация круга субъектов данных преступлений, что обуславливает сложности для правоприменителя, целесообразно, учитывая бланкетность данных составов, закрепить содержание данного субъективного признака в отраслевом законодательстве.

2. Ввиду того, что неправомерные деяния, связанные с банкротством, приобретают новые формы и содержание, становится актуальным вопрос о расширении перечня неправомерных действий (бездействий), связанных с банкротством, в диспозиции статьи 195 УК РФ.

3. В российском уголовном законодательстве имеются противоречия между диспозициями норм о кредитном мошенничестве в сфере банкротства (ст. 195–197 УК РФ), посягающем на собственность кредитных организаций и отношения, возникающие при неспособности должника удовлетворить в полном объеме требования кредиторов, что приводит к искаженному и (или) недостоверному их толкованию и применению. Учитывая это, целесообразным представляется исключение статей 196 и 197 из Уголовного кодекса Российской Федерации, поскольку их содержание охватывается статьей 195 УК РФ исходя из грамматического толкования наименования и диспозиции указанной статьи, включающей любые неправомерные действия, связанные с банкротством.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белякова Е. Г. Актуальные проблемы судебной финансово-экономической экспертизы по делам о преднамеренном банкротстве юридических лиц // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 9. С. 123–129.
2. Коренная А. А. Определение размера ущерба, причиненного преднамеренным банкротством (ст. 196 Уголовного кодекса Российской Федерации) // Арбитражный и гражданский процесс. 2021. № 1. С. 47–51.
3. Кули-Заде Т. А. К вопросу об определении ущерба при преднамеренном банкротстве // Российская юстиция. 2018. № 9. С. 20–22.
4. Осокин Р. Б. Хищение путем обмана или злоупотребления доверием (мошенничество): история, элементы и признаки состава, квалификация: монография. Тамбов: Тамбовский филиал Московского университета МВД России, 2005. 128 с.
5. Карелина С. А., Москалева О. А. Субъектный состав криминального банкротства // Законодательство. 2007. № 12. 33–39.
6. Крымов В. А. Проблемы в установлении субъекта преднамеренного банкротства // Российский судья. 2007. № 4. С. 38–40.
7. Кузнецова О. А. Фиктивное банкротство организации: коллизии гражданского, уголовного и процессуального права // Судебно-арбитражная практика Московского региона. Вопросы правоприменения. 2003. № 3. С. 58–61.
8. Осокин Р. Б. Об интеллектуально-психологических качествах субъекта мошеннических посягательств // Международный журнал психологии и педагогики в служебной деятельности. 2017. № 3. С. 49–50.
9. Михайленко И. Нарушение законодательства о мерах по предупреждению банкротства кредитных организаций // Законность. 2001. № 10. С. 36–39.

© Савченко М. М.